Экономическая политика и государственное управление / Economic policy and public administration

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5973-2026-15-2-332 **EDN:** TZWUNA
УДК 332.1:338.2

Межрегиональное социально-экономическое неравенство в Российской Федерации: статистическая оценка масштабов, динамики и структурной типологии (2019-2024 гг.)

В.М. Минин
Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Межрегиональное социально-экономическое неравенство в Российской Федерации сохраняет устойчивый характер и требует воспроизводимой статистической диагностики, позволяющей различать «сглаживаемые» социальные параметры и концентрированные экономические контуры различий.

Цель – статистическая оценка масштабов, динамики и структурной типологии межрегионального социально-экономического неравенства субъектов Российской Федерации на сопоставимой базе официальной региональной статистики.

Материалы и методы. Использованы показатели уровня жизни и социального риска (среднедушевые денежные доходы населения, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, уровень занятости) за 2019–2024 гг., а также показатели экономического потенциала (ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал) за 2019–2023 гг. Выполнены авторские расчёты показателей вариативности и поляризации (среднее значение, стандартное отклонение, коэффициент вариации, соотношение max/min), а также квартильная типология регионов по уровню доходов населения с последующим сопоставлением средних значений бедности и занятости по группам.

Результаты. Установлено, что экономическая дифференциация регионов существенно превышает социальную, а неоднородность бедности в исследуемом периоде имеет тенденцию к усилению. Квартильная типология выявляет устойчивые структурные различия между группами регионов по уровню бедности и занятости. Полученные результаты обосновывают необходимость адресного подхода в региональной политике, ориентированного на группы регионов с различным профилем социально–экономических рисков и ограничениями экономической базы. Показано, что устойчивость дифференциации доходов сочетается с ростом неоднородности

бедности, что усиливает значимость типологических решений при выборе инструментов поддержки занятости и снижения социального риска.

Ключевые слова: межрегиональное неравенство; социально-экономическая дифференциация; коэффициент вариации; поляризация; доходы населения; бедность; занятость; региональная типология

Для цитирования. Минин, В. М. (2026). Межрегиональное социально-экономическое неравенство в Российской Федерации: статистическая оценка масштабов, динамики и структурной типологии (2019-2024 гг.). *Siberian Journal of Economic and Business Studies / Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований*, *15*(2), 84–104. https://doi.org/10.12731/3033-5973-2026-15-2-332

Interregional socio-economic inequality in the Russian Federation: a statistical assessment of scale, dynamics and structural typology (2019-2024)

V.M. Minin

Synergy University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. Interregional socio-economic inequality in the Russian Federation remains persistent and requires a reproducible statistical diagnosis that distinguishes relatively «smoothed» social indicators from highly concentrated economic disparities.

Purpose. To provide a statistical assessment of the scale, dynamics and structural typology of interregional socio-economic inequality across the subjects of the Russian Federation using comparable official regional data.

Materials and methods. The study uses living-standards and social-risk indicators (disposable income per capita, poverty rate, employment) for 2019–2024, and economic-capacity indicators (GRP per capita and fixed capital investment) for 2019–2023. The author calculates dispersion and polarisation metrics (mean, standard deviation, coefficient of variation, max/min ratio) and applies an income-based quartile typology of regions with subsequent comparison of group averages for poverty and employment.

Results. The results indicate that economic disparities across regions are substantially larger than social ones, while territorial heterogeneity of poverty tends to increase over the period considered. The quartile typology reveals persistent structural differences between income groups in terms of poverty and employment. The findings support a targeted regional policy approach differentiated by regional groups with distinct socio-economic risk profiles and constraints of the economic base. It is also shown that the relative stability of income dispersion is accompanied by increasing heterogeneity of poverty, which reinforces the need for typology-based policy targeting.

Keywords: interregional inequality; socio-economic differentiation; coefficient of variation; polarisation; income; poverty; employment; regional typology

For citation. Minin, V. M. (2026). Interregional socio-economic inequality in the Russian Federation: a statistical assessment of scale, dynamics and structural typology (2019-2024). *Siberian Journal of Economic and Business Studies*, *15*(2), 84–104. https://doi.org/10.12731/3033-5973-2026-15-2-332

Введение

Межрегиональное социально–экономическое неравенство является устойчивой характеристикой пространственного развития Российской Федерации [10; 13] и проявляется в различиях субъектов РФ по уровню доходов населения, масштабам бедности, параметрам занятости [18; 19], экономическому потенциалу и инвестиционной активности. Эти различия формируют неодинаковые условия воспроизводства человеческого капитала, различную доступность социальных возможностей и асимметрию экономических стимулов территориального развития, что повышает требования к доказательности решений в региональной политике и системе межбюджетного регулирования [11; 23]. В отечественной исследовательской традиции неоднократно подчёркивается структурный характер региональных диспропорций: социальные показатели могут частично сглаживаться перераспределительными механизмами, тогда как различия в экономической базе и инвестиционном потенциале сохраняют высокую концентрацию и воспроизводятся в динамике [9; 12; 14].

Современный контекст государственного управления усиливает актуальность статистической диагностики межрегионального неравенства по двум причинам. Во-первых, усиливается значимость адресных механизмов социальной поддержки и программ занятости [1; 24], для которых требуется корректная типологизация регионов по уровню социально-экономических рисков [6]. Во-вторых, развитие программ пространственного развития и инфраструктурного обновления объективно требует оценки «ядра» устойчивых различий, чтобы отличать краткосрочные колебания показателей от долгосрочно воспроизводимых диспропорций [15; 22]. Проблематика территориальной поляризации и устойчивой географии неравенства рассматривается также в международных исследованиях регионального развития [25; 26; 27]. Следовательно, научно и управленчески значимым становится комплексный анализ неравенства, сочетающий оценку масштабов дифференциации в статике, динамику показателей неоднородности и структурную группировку регионов.

Дополнительное значение такая диагностика приобретает в условиях цифровизации государственного управления, поскольку цифровые инструменты расширяют возможности мониторинга социально-экономического развития территорий [16; 28].

Цель исследования – провести статистическую оценку масштабов, динамики и структурной типологии межрегионального социально-экономического неравенства в Российской Федерации на сопоставимой базе официальной региональной статистики.

Для достижения цели решаются следующие *задачи*:

1. сформировать сопоставимую эмпирическую базу показателей уровня жизни населения и экономического потенциала субъектов Российской Федерации за 2019–2024 гг. (для ВРП и инвестиций – по доступному периоду);
2. оценить масштабы межрегиональной дифференциации по ключевым показателям посредством показателей вариативности и поляризации;
3. проанализировать динамику межрегиональных различий в 2019–2024 гг. на основе коэффициента вариации и соотношения максимума и минимума;
4. выполнить квартильную типологизацию регионов по уровню доходов населения и выявить структурные различия по бедности и занятости;
5. сформулировать выводы, значимые для региональной политики и механизмов сглаживания территориальных диспропорций.

Объектом исследования выступают социально-экономические системы субъектов Российской Федерации, предметом – межрегиональные различия по показателям уровня жизни населения и экономического потенциала, а также их динамика и структурная неоднородность.

Материалы и методы

Информационная база исследования сформирована на основе официальной региональной статистики по субъектам Российской Федерации [8; 21]. В качестве показателей уровня жизни населения и социального риска используются: среднедушевые денежные доходы населения (руб./мес.), доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (%), уровень занятости населения в возрасте 15 лет и старше (%). Для характеристики экономического потенциала регионов применяются валовой региональный продукт на душу населения (руб.) и инвестиции в основ-

ной капитал (млн руб.). Выбор данной системы показателей обеспечивает комплексную оценку территориальной неоднородности: от параметров благосостояния и социальной уязвимости населения до производственно-экономической базы и инвестиционной активности территорий [3; 4].

Период исследования по социальным показателям охватывает 2019–2024 гг., что обеспечивает сопоставимость до и после шоков начала 2020-х годов. По показателям ВРП на душу населения и инвестициям используются данные 2019–2023 гг., что обусловлено лагом публикации официальной региональной статистики по макроэкономическим показателям [21]. Единицей наблюдения является субъект Российской Федерации; из расчётов исключаются агрегированные строки (Российская Федерация, федеральные округа), что обеспечивает корректность межрегиональных сопоставлений.

Методологическая основа статьи включает показатели вариативности и поляризации, позволяющие количественно оценить как общую территориальную неоднородность распределения показателя по регионам, так и разрыв между крайними значениями. Для каждого показателя рассчитываются среднее значение, стандартное отклонение, коэффициент вариации и показатель поляризации (соотношение max/min).

Среднее значение показателя по регионам определяется формулой:

$$\bar{x} = \frac{1}{n}\sum_{j=1}^{n} x_j,$$

где $\bar{x}$ – среднее значение показателя по совокупности регионов; x_j – значение показателя в j–м регионе, n – число регионов, включённых в расчёт; $j = 1,2, \ldots, n$ – индекс региона.

Стандартное отклонение рассчитывается как:

$$\sigma = \sqrt{\frac{1}{n}\sum_{j=1}^{n}\left(x_j - \bar{x}\right)^2},$$

где σ – стандартное отклонение показателя по совокупности регионов.

Коэффициент вариации (CV), характеризующий относительную неоднородность распределения показателя, определяется по формуле:

$$CV = \frac{\sigma}{\bar{x}} \times 100\%.$$

где CV – коэффициент вариации, %.

Показатель поляризации K определяется как отношение максимального (x_{max}) и минимального значений (x_{min}) показателя по совокупности регионов:

$$K = \frac{x_{max}}{x_{min}}.$$

Совместное использование CV и K является методически значимым, поскольку коэффициент вариации отражает «средний» уровень террито-

риальной неоднородности по всей совокупности регионов, тогда как показатель поляризации фиксирует масштаб разрыва между крайними регионами и чувствителен к динамике «краёв» распределения. Динамика *CV* и *K* оценивается по годам, что позволяет отделить устойчивые структурные различия от краткосрочных колебаний показателей [2].

Для выявления структурных различий применяется квартильная типология субъектов Российской Федерации по уровню среднедушевых денежных доходов населения в 2024 г. Регионы ранжируются по значению доходов, после чего совокупность делится на четыре группы, сопоставимые по численности. Для каждой группы рассчитываются средние значения доходов, бедности и занятости. Квартильный подход позволяет избежать произвольного выбора пороговых значений и выявить устойчивые «слои» регионального пространства по уровню благосостояния населения [5; 6].

Единообразие и воспроизводимость расчётов обеспечивается единым стандартом представления результатов: коэффициенты вариации и показатели поляризации приводятся с точностью до двух знаков после запятой; проценты занятости и бедности – с точностью до одного знака после запятой; денежные показатели – с разделением разрядов пробелами. Такой стандарт необходим для корректного сопоставления показателей между таблицами и исключения противоречий между табличными данными и интерпретацией результатов.

Результаты и обсуждение

Масштабы межрегионального социально–экономического неравенства. Статистическая оценка масштабов межрегионального неравенства выполнена по последнему доступному году наблюдения для каждого показателя: 2024 г. – для доходов населения, бедности и занятости; 2023 г. – для ВРП на душу населения и инвестиций. Такой подход позволяет корректно сопоставить социальные параметры уровня жизни и экономическую базу регионов на сопоставимой статистической основе. Результаты расчётов представлены в таблице 1.

Результаты таблицы 1 позволяют сделать несколько принципиальных выводов о характере межрегионального социально–экономического неравенства.

Во-первых, межрегиональная дифференциация имеет выраженно многомерный характер: степень территориальной неоднородности резко различается между социальными и экономическими показателями. Для социальных показателей коэффициенты вариации существенно ниже, чем для экономических. Так, коэффициент вариации среднедушевых доходов населения составляет 46,41 %, уровень бедности характеризуется коэффициентом вариа-

ции 39,41 %, а занятость – 7,63 %. В то же время по ВРП на душу населения коэффициент вариации достигает 145,65 %, а по инвестициям – 201,23 %, то есть различия по экономическим параметрам в несколько раз превышают различия по социальным показателям. Данный результат согласуется с выводами исследований пространственной экономики о высокой концентрации производственного потенциала и инвестиционных потоков в ограниченном числе территорий при относительном сглаживании отдельных показателей уровня жизни населения перераспределительными механизмами [10; 12].

Таблица 1.

Статистическая оценка межрегиональной дифференциации социально-экономических показателей субъектов Российской Федерации

Table 1. Statistical Assessment of Interregional Variations in the Socioeconomic Indicators of the Constituent Entities of the Russian Federation

Показатель	Год	Число регионов	Минимум	Регион-минимум	Максимум	Регион-максимум	Среднее	σ	*CV*, %	max/min, раз
Среднедушевые денежные доходы населения, руб./мес	2024	87	27 311	Республика Ингушетия	187 687	Чукотский АО	58 492	27 149	46,41	6,87
Реальные денежные доходы населения, индекс, %	2024	87	101,7	Камчатский край	114,9	Республика Калмыкия	108,44	2,74	2,52	1,13
Доля населения ниже ПМ, %	2024	87	3,4	г. Санкт-Петербург	25,3	Республика Ингушетия	8,94	3,52	39,41	7,44
Уровень занятости (15+), %	2024	87	50,2	Республика Адыгея	79,0	Чукотский АО	60,78	4,64	7,63	1,57
ВРП на душу населения, руб.	2023	87	182 204	Республика Ингушетия	11 995 394	Ненецкий АО	1 198 377	1 745 391	145,65	65,84
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	2023	87	13 330	Республика Калмыкия	7 154 321	г. Москва	432 501	870 333	201,23	536,71

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЕМИСС [8] и Росстата [21].
Source: Compiled and calculated by the author based on data from EMISS [8] and Rosstat [21].

Во-вторых, показатель поляризации подтверждает наличие крайне высокого разрыва по экономическим параметрам. Различия по ВРП на душу населения между крайними регионами превышают 65 раз (max/min = 65,84), а по инвестициям – сотни раз (max/min = 536,71). Это означает, что экономическая база регионов распределена крайне неравномерно, а возможности расширенного воспроизводства и структурных изменений концентрируются в ограниченном числе субъектов РФ. Методически важно, что данный вывод подтверждается одновременно и коэффициентом вариации (общая неоднородность), и поляризацией (разрыв между крайними регионами), что усиливает доказательность результата.

В-третьих, социальные показатели демонстрируют менее экстремальную, но устойчиво значимую территориальную неоднородность. Разрыв по доходам населения между крайними регионами составляет 6,87 раза, по бедности – 7,44 раза. Сравнение бедности и доходов показывает, что бедность характеризуется сопоставимой (и в ряде аспектов более выраженной) территориальной дифференциацией, что отражает комплексную природу социального риска, зависящую не только от уровня доходов, но и от структуры занятости, качества рабочих мест, региональных различий в стоимости жизни и эффективности рынков труда [18; 20; 24].

В-четвёртых, показатель занятости имеет минимальную дифференциацию: коэффициент вариации составляет 7,63 %, а поляризация – 1,57 раза. Это указывает на относительную равномерность распределения занятости по территориям при действии общенациональных институциональных рамок регулирования рынка труда. Вместе с тем низкая вариативность занятости не устраняет различия в уровне благосостояния и социальной уязвимости населения, что проявляется в дифференциации доходов и бедности.

В-пятых, индекс реальных денежных доходов (динамический показатель) демонстрирует низкую территориальную неоднородность (коэффициент вариации 2,52 %, поляризация 1,13 раза). Это важно для корректной интерпретации: схожесть краткосрочной динамики доходов по регионам не означает устранения устойчивых различий по уровню доходов и социальным показателям.

В совокупности результаты таблицы 1 подтверждают, что межрегиональное социально-экономическое неравенство в Российской Федерации имеет устойчивую структурную основу: экономическая концентрация существенно превышает социальную дифференциацию, а территориальная неоднородность уровня бедности остаётся значимой. Следующий аналитический шаг заключается в оценке динамики показателей дифференциации и поляризации в 2019–2024 гг., что позволяет установить, насколько

выявленная структура различий сохраняется во времени и какие компоненты неравенства демонстрируют тенденции к усилению или сглаживанию.

Статическая оценка фиксирует текущие масштабы межрегионального неравенства, однако для понимания его устойчивости и направленности изменений необходим динамический анализ. В настоящем исследовании динамика территориальных различий оценивается по двум взаимодополняющим показателям: коэффициенту вариации (*CV*), характеризующему общую неоднородность распределения показателя по совокупности регионов, и показателю поляризации (max/min), фиксирующему разрыв между крайними регионами. Рост *CV* означает усиление неоднородности в целом; снижение CV – тенденцию к выравниванию. Рост max/min свидетельствует об увеличении разрыва между лидером и аутсайдером, даже если «средняя» неоднородность (*CV*) может оставаться стабильной; снижение max/min, напротив, указывает на сближение крайних значений. Совместное использование *CV* и max/min позволяет избежать методических искажений при интерпретации изменений территориальной дифференциации [2].

Динамика коэффициента вариации по ключевым социально-экономическим показателям представлена в таблице 2.

Таблица 2.

Динамика коэффициента вариации социально-экономических показателей субъектов Российской Федерации в 2019–2024 гг., %

Table 2. Trends in the coefficient of variation for socioeconomic indicators of the constituent entities of the Russian Federation, 2019–2024, %

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Среднедушевые денежные доходы населения	44,55	46,09	45,90	47,33	47,44	46,41
Реальные денежные доходы населения	1,53	2,71	2,55	4,07	3,04	2,52
Доля населения ниже ПМ	35,37	35,66	35,31	37,33	37,90	39,41
Уровень занятости	8,72	9,28	8,75	7,91	7,78	7,63
ВРП на душу населения	149,04	123,08	147,72	156,96	145,65	–
Инвестиции в основной капитал	177,41	187,72	200,67	204,61	201,23	–

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЕМИСС [8] и Росстата [21].

Примечание: для ВРП на душу населения и инвестиций в основной капитал в используемом массиве данных доступны значения по 2023 г.; за 2024 г. показатели не приводятся.

Source: Compiled and calculated by the author based on data from EMISS [8] and Rosstat [21].

Note: For GRP per capita and fixed capital investment, the dataset used provides figures for 2023; no figures are provided for 2024.

Таблица 2 демонстрирует, что межрегиональная дифференциация уровня доходов населения в 2019–2024 гг. остаётся структурно устойчивой. Коэффициент вариации колеблется в диапазоне 44,55–47,44%, что указывает на сохранение пространственной структуры различий по доходам при отсутствии устойчивого тренда к их сокращению. Для региональной политики это означает, что общеэкономические колебания и краткосрочные изменения доходов не обеспечивают автоматического выравнивания территорий, а снижение разрывов требует целевых механизмов развития доходной базы регионов-аутсайдеров [7; 17].

По показателю бедности наблюдается последовательное увеличение неоднородности: коэффициент вариации возрастает с 35,37 % (2019 г.) до 39,41 % (2024 г.). Это означает усиление территориальной неоднородности наиболее социально чувствительного показателя и указывает на различия в способности регионов снижать социальные риски и адаптироваться к изменяющимся экономическим условиям. С управленческой точки зрения такой результат усиливает аргументацию в пользу дифференцированных мер социальной поддержки и политики занятости с учётом региональных особенностей рынка труда и структуры доходов населения [1; 18].

Дифференциация занятости имеет противоположную тенденцию: коэффициент вариации снижается с 8,72 % до 7,63 %, что свидетельствует о постепенном выравнивании регионов по уровню вовлечённости населения в занятость. При этом важно учитывать, что занятость не раскрывает различия в качестве рабочих мест и уровнях оплаты труда, поэтому снижение неоднородности занятости не противоречит устойчивой дифференциации доходов и росту неоднородности бедности.

Экономические показатели демонстрируют экстремально высокую неоднородность на протяжении всего периода: коэффициент вариации ВРП на душу населения сохраняется на уровне 123,08–156,96 %, а по инвестициям – 177,41–204,61 %. Это подтверждает, что пространственная концентрация экономического потенциала и инвестиционных потоков является устойчивой структурной характеристикой регионального развития и задаёт долгосрочное воспроизводство различий в возможностях экономического роста территорий.

Для оценки разрыва между крайними регионами рассчитана динамика показателя поляризации (max/min), представленного в таблице 3.

Показатели таблицы 3 подтверждают вывод о структурной устойчивости территориальных различий и уточняют характер изменений. По доходам населения поляризация удерживается на уровне 6–7 раз, что означает

отсутствие сближения крайних регионов в исследуемом периоде. По бедности наблюдается рост поляризации до 7,44 раза в 2024 г., что согласуется с увеличением коэффициента вариации и свидетельствует об усилении разрыва между территориями с минимальными и максимальными значениями социального риска.

Таблица 3.

Динамика межрегиональной поляризации социально-экономических показателей субъектов Российской Федерации (соотношение максимального и минимального значений) в 2019–2024 гг., раз

Table 3. Trends in Interregional Polarization of Socioeconomic Indicators for the Constituent Entities of the Russian Federation (Ratio of Maximum to Minimum Values) in 2019–2024, times

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Среднедушевые денежные доходы населения	6,21	6,35	6,52	6,78	6,91	6,87
Доля населения ниже ПМ	6,98	7,12	7,05	7,22	7,31	7,44
Уровень занятости	1,52	1,56	1,55	1,58	1,59	1,57
ВРП на душу населения	61,84	55,12	63,45	67,93	65,84	–
Инвестиции в основной капитал	489,11	512,44	528,72	541,36	536,71	–

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЕМИСС [8] и Росстата [21].

Примечание: для ВРП на душу населения и инвестиций в основной капитал в используемом массиве данных доступны значения по 2023 г.; за 2024 г. показатели не приводятся.

Source: Compiled and calculated by the author based on data from EMISS [8] and Rosstat [21].

По занятости поляризация стабильна (около 1,5–1,6 раза), что подтверждает относительную равномерность распределения занятости по субъектам РФ. Наиболее выраженная поляризация характерна для экономических показателей: разрыв по ВРП на душу населения превышает 60 раз, а по инвестициям – 500 раз и более. Это указывает на устойчивую концентрацию экономических ресурсов и инвестиционной активности в ограниченном числе регионов и подтверждает, что без специальных инструментов стимулирования экономической базы территорий–аутсайдеров разрыв в потенциале развития будет воспроизводиться [12; 13].

В совокупности результаты таблиц 2–3 позволяют сделать методически и управленчески значимый вывод: межрегиональное неравенство в Российской Федерации сохраняет устойчивый характер, при этом экономический контур различий остаётся наиболее концентрированным, а неоднородность бедности демонстрирует тенденцию к усилению. Следовательно, для повышения эффективности региональной политики требуется не только сгла-

живание социальных показателей, но и адресные меры, ориентированные на снижение устойчивых различий в экономическом потенциале регионов и на поддержку территорий с повышенными социальными рисками.

Структурная типология регионов по уровню доходов населения и выводы для адресности региональной политики. Динамический анализ показал устойчивость межрегиональных различий по доходам населения при одновременном усилении неоднородности бедности. Для управленческой интерпретации этих результатов важно перейти от «средних» характеристик дифференциации к выявлению структурных различий между группами регионов, то есть определить, как параметры социального риска и занятости меняются при переходе от регионов с низким уровнем доходов к регионам с высоким уровнем доходов. Такой подход позволяет повысить адресность региональной политики, поскольку ориентирует меры поддержки не только на крайние значения, но и на устойчивые группы регионов с близкими характеристиками [6; 11].

В рамках исследования выполнена квартильная типологизация субъектов Российской Федерации по уровню среднедушевых денежных доходов населения за 2024 г. Регионы ранжированы по уровню доходов и разделены на четыре сопоставимые по численности группы (квартиля). Затем для каждой группы рассчитаны средние значения доходов, доли населения с доходами ниже прожиточного минимума и уровня занятости. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Квартильная типология субъектов Российской Федерации по уровню среднедушевых денежных доходов населения (2024 г.)

Table 4. Quartile Typology of the Constituent Entities of the Russian Federation by Level of Average Per Capita Cash Income (2024)

Квартиль	Характеристика	Число регионов	Доходы, руб./мес	Бедность, %	Занятость, %
I	Низкий уровень доходов	22	36 400	16,2	58,1
II	Доходы ниже среднего	22	47 800	11,4	59,6
III	Доходы выше среднего	22	60 900	8,1	61,2
IV	Высокий уровень доходов	21	92 700	5,2	64,8

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЕМИСС [8] и Росстата [21].
Source: Compiled and calculated by the author based on data from EMISS [8] and Rosstat [21].

Результаты таблицы 4 демонстрируют устойчивую структурную связь между уровнем доходов населения и параметрами социального риска. При переходе от I квартиля к IV квартилю среднедушевые доходы возрастают

более чем в 2,5 раза (с 36 400 до 92 700 руб./мес.), тогда как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума снижается более чем в 3 раза (с 16,2 % до 5,2 %). Это подтверждает, что бедность в региональном разрезе не является случайной флуктуацией: она устойчиво сконцентрирована в группах регионов с низкими доходами и воспроизводится как структурная характеристика социально-экономического пространства.

Одновременно наблюдается последовательный рост занятости от 58,1 % до 64,8 % по мере повышения уровня доходов. Данный результат показывает, что различия по доходам сопровождаются различиями в вовлечённости населения в рынок труда, что важно для формулирования управленческих решений. Для регионов I–II квартилей повышение доходов населения и снижение бедности тесно связано с задачей расширения качественной занятости и повышения производительности труда, а не только с наращиванием трансфертов. Для регионов III–IV квартилей, напротив, более актуальны инструменты поддержки инвестиционной активности и развития высокопроизводительных рабочих мест, поскольку именно экономическая база формирует устойчиво более высокий уровень доходов населения [12; 17].

Квартильная типология уточняет сформированные ранее выводы:

1. устойчивость дифференциации доходов (таблица 2) сочетается с выраженной структурной неоднородностью бедности (таблицы 1 и 4);
2. относительное выравнивание занятости (таблица 2) не устраняет социальный разрыв, поскольку качество занятости и уровень оплаты труда различаются между группами регионов.

Следовательно, региональная политика сглаживания межрегиональных диспропорций должна опираться на дифференцированные решения по группам регионов, а не только на унифицированные меры.

С практической точки зрения результаты типологизации позволяют сформулировать три управленчески значимых вывода.

Во-первых, для регионов I квартиля меры снижения бедности должны иметь приоритетный характер и сочетать поддержку доходов населения с программами повышения занятости и стимулирования создания рабочих мест. Во-вторых, для регионов II–III квартилей ключевым направлением является предотвращение “скатывания” в группу высокого социального риска: требуется сочетание мер повышения производительности труда, поддержки малого и среднего бизнеса и расширения возможностей занятости. В-третьих, для регионов IV квартиля важны инструменты, обеспечивающие удержание высокого уровня экономической активности и инвестиционного потенциала, поскольку именно он является основой

формирования доходов населения и устойчивости социально-экономического развития территорий [7; 11].

Таким образом, квартильная типология регионов по доходам населения обеспечивает структурную интерпретацию межрегионального неравенства и повышает доказательность адресного подхода к региональной политике. В заключении статьи обобщаются результаты исследования и формулируются выводы о характере устойчивости межрегиональных различий и управленческих последствиях выявленных структурных диспропорций.

Заключение

Проведённая статистическая оценка межрегионального социально–экономического неравенства субъектов Российской Федерации на сопоставимой эмпирической базе показала устойчивый и многомерный характер территориальных различий. На основе расчётов показателей вариативности и поляризации по ключевым социальным и экономическим индикаторам (таблица 1) установлено, что экономическая дифференциация регионов существенно превышает социальную: коэффициент вариации ВРП на душу населения составил 145,65 %, инвестиций в основной капитал – 201,23 %, тогда как по доходам населения – 46,41 %, по бедности – 39,41 %, по занятости – 7,63 %. Разрыв между крайними регионами по экономическим показателям достигает экстремальных значений (max/min по инвестициям – 536,71), что подтверждает высокую концентрацию экономического потенциала и инвестиционной активности в ограниченном числе субъектов РФ.

Динамический анализ (таблицы 2–3) подтвердил структурную устойчивость межрегиональных различий. Коэффициент вариации доходов населения в 2019–2024 гг. сохранялся в узком диапазоне 44,55–47,44 %, что свидетельствует об отсутствии устойчивой тенденции к территориальному выравниванию по уровню доходов. При этом неоднородность бедности демонстрирует последовательный рост: коэффициент вариации увеличился до 39,41 % в 2024 г., а поляризация по бедности достигла 7,44 раза. Следовательно, на фоне устойчивости структуры доходов усиливается неоднородность наиболее социально чувствительного показателя, что требует повышения адресности мер социальной поддержки [1; 24] и политики занятости.

Квартильная типология регионов по уровню доходов населения (таблица 4) позволила выявить устойчивые структурные различия между группами субъектов РФ. При переходе от регионов с низкими доходами

к регионам с высокими доходами бедность снижается более чем в три раза (с 16,2 % до 5,2 %), а занятость возрастает с 58,1 % до 64,8 %. Это подтверждает системный характер межрегионального неравенства и указывает на необходимость дифференцированных решений региональной политики, ориентированных на группы регионов с различным профилем социально-экономических рисков.

Научная новизна исследования заключается в комплексной воспроизводимой оценке межрегионального неравенства на сопоставимой статистической базе с одновременным применением показателей вариативности и поляризации и последующей квартильной типологизацией регионов по уровню доходов населения. Практическая значимость результатов состоит в возможности использования выявленных закономерностей для повышения доказательности адресного подхода [11; 17] в региональной политике, включая обоснование приоритетов мер по снижению бедности и поддержке занятости в группах регионов с устойчиво неблагоприятными социально-экономическими характеристиками.

Автором сформирована сопоставимая эмпирическая база региональных показателей социально-экономического развития (доходы населения, бедность и занятость за 2019–2024 гг.; валовой региональный продукт на душу населения и инвестиции в основной капитал за 2019–2023 гг.). Автором выполнены расчёты статистических показателей межрегиональной дифференциации и поляризации (средние значения, стандартное отклонение, коэффициент вариации, соотношение max/min), представленные в таблицах 1–3. Автором проведена квартильная типологизация субъектов Российской Федерации по уровню среднедушевых денежных доходов населения и рассчитаны групповые средние значения бедности и занятости (таблица 4). Автором сформулированы выводы исследования и практические предложения по использованию результатов статистической диагностики межрегионального неравенства для повышения адресности региональной политики [11; 22].

Список литературы

1. Бобков, В. Н., Одинцова, Е. В., & Гулюгина, А. А. (2020). Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимального денежного дохода граждан России (Часть 2). *Народонаселение*, *23*(4), 4–18. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.1. EDN: https://elibrary.ru/YHFSEL
2. Бозо, Н. В., & Шипкова, О. Т. (2023). Межрегиональная дифференциация и неоднородность последствий пандемийных ограничений в России. *Вопросы*

статистики, *30*(2), 43–52. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-43-52. EDN: https://elibrary.ru/UNIUZI

3. Вертакова, Ю. В., & Зарецкая, В. Г. (2022). Исследование процессов конвергенции регионального экономического и социального развития в условиях цифровизации и модернизации российской экономики. *Экономическое возрождение России*, *(2)*, 66–86. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-66-86. EDN: https://elibrary.ru/SUVUSM
4. Гагарина, Г. Ю., & Болотов, Р. О. (2022). Оценка дифференциации доходов населения Российской Федерации с учетом межрегионального уровня цен. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, *(3)*, 97–108. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-3-97-108. EDN: https://elibrary.ru/QWGNLD
5. Гранберг, А. Г. (2004). *Основы региональной экономики: учебник для вузов*. Государственный университет «Высшая школа экономики».
6. Демидова, О. А. (2021). Convergence of Russian Regions: Different Patterns for Poor, Middle and Rich. *Экономика региона*, *17*(4), 1151–1165. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-8. EDN: https://elibrary.ru/YWIHDC
7. Дорошенко, С. В., & Васильева, Р. И. (2024). Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014–2021 гг. *Регионология*, *32*(3), 484–503. https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503. EDN: https://elibrary.ru/QXFUKO
8. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). (2026). *Официальный портал*. https://fedstat.ru (дата обращения: 09.04.2026)
9. Землянский, Д. Ю., & Медведникова, Д. М. (2025). Взвешенное и невзвешенное межрегиональное неравенство в России в период действия основ государственной политики регионального развития 2017–2024 гг. *Региональные исследования*, *(3)*, 4–22. https://research.smolgu.ru/index.php/RI/article/view/290. https://doi.org/10.5922/1994-5280-2025-3-1. EDN: https://elibrary.ru/NKTKOB
10. Коломак, Е. А. (2010). Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты. *Пространственная экономика*, *(1)*, 26–35. https://doi.org/10.14530/se.2010.1.026-035. EDN: https://elibrary.ru/MWOPJH
11. Кузнецова, О. В. (2019). *Региональная политика России: теория и практика*. ЛЕНАНД.
12. Кузнецова, О. В. (2024). Экономическая дифференциация и восприимчивость муниципалитетов российской Арктики к федеральным преференциальным режимам. *Экономика региона*, *20*(2), 462–476. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8. EDN: https://elibrary.ru/NDHCXU
13. Лю, Я., Зарецкая, В. Г., & Вертакова, Ю. В. (2023). Оценка региональной дифференциации по динамике основных экономических показателей и уровню их

конвергенции. *π-Economy*, *16*(4), 60–78. https://doi.org/10.18721/JE.16404. EDN: https://elibrary.ru/ZRPDCA

14. Меркулова, Е. Ю. (2025). Дифференциация регионов России: экономические контрасты и социальные различия. *Статистика и экономика*, *22*(3), 39–52. https://doi.org/10.21686/2500-3925-2025-3-39-52. EDN: https://elibrary.ru/GZFDKP
15. Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И., & Шелудков, А. В. (2022). Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, *86*(3), 289–309. https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1576. https://doi.org/10.31857/S2587556622030128. EDN: https://elibrary.ru/FCOHMS
16. Постановление Правительства Российской Федерации. (2019). *О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»* (№ 234 от 02.03.2019) (в ред. действующей на дату обращения). https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903070015 (дата обращения: 09.04.2026)
17. Пугачев, А. А., & Чистякова, А. А. (2024). Дифференциация благосостояния населения в регионах России: сырьевой фактор и возможности налогового регулирования. *ЭКО*, *54*(6), 205–219. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-6-205-219. EDN: https://elibrary.ru/UWIXHI
18. Суринов, А. Е., & Луппов, А. Б. (2021). Влияние региональных различий стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам. *Экономика региона*, *17*(3), 814–827. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7. EDN: https://elibrary.ru/BIRNYO
19. Суринов, А. Е., & Луппов, А. Б. (2021). Неравенство в России: регионы, стоимость жизни и эквивалентные доходы. *Экономическая политика*, *16*(3), 82–111. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-82-111. EDN: https://elibrary.ru/OEWTFV
20. Суринов, А. Е., & Луппов, А. Б. (2022). Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, *26*(4), 552–578. https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578. EDN: https://elibrary.ru/ZCWPSJ
21. Федеральная служба государственной статистики. (2024). *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник*. Росстат. https://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 09.04.2026)
22. Шаталова, О. М., & Касаткина, Е. В. (2022). Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная

оценка. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, *15*(4), 74–87. https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5. EDN: https://elibrary.ru/ZAEJDM

23. Dynnikova, O., Pestova, A., & Ugolkov, V. (2021). *Regional disparities and fiscal federalism in Russia* (IMF Working Paper No. WP/21/144). International Monetary Fund. https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/05/20/Regional-Disparities-and-Fiscal-Federalism-in-Russia-50238
24. Mikheeva, N. N., & Basareva, V. G. (2021). Regional specifics of poverty in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, *32*(5), 499–507. https://doi.org/10.1134/S1075700721050099. EDN: https://elibrary.ru/HRTJVR
25. OECD. (2023). *OECD Regional Outlook 2023: The longstanding geography of inequalities*. OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/92cd40a0-en
26. OECD. (2024). *OECD Regions and Cities at a Glance 2024*. OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/f42db3bf-en
27. Storper, M. (2018). Separate worlds? Explaining the current wave of regional economic polarization. *Journal of Economic Geography*, *18*(2), 247–270. https://doi.org/10.1093/jeg/lby011
28. United Nations. (2024). *United Nations E-Government Survey 2024*. United Nations Department of Economic and Social Affairs. https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf

References

1. Bobkov, V. N., Odintsova, E. V., & Gulyugina, A. A. (2020). The consumer basket as the basis of state guarantees of the minimum monetary income of Russian citizens (Part 2). *Narodonaselenie*, *23*(4), 4–18. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.1. EDN: https://elibrary.ru/YHFSEL
2. Bozo, N. V., & Shipkova, O. T. (2023). Interregional differentiation and heterogeneity of the consequences of pandemic restrictions in Russia. *Voprosy Statistiki*, *30*(2), 43–52. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-43-52. EDN: https://elibrary.ru/UNIUZI
3. Vertakova, Yu. V., & Zaretskaya, V. G. (2022). Study of the convergence processes of regional economic and social development in the context of digitalization and modernization of the Russian economy. *Ekonomicheskoe Vozrozhdenie Rossii*, *(2)*, 66–86. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-66-86. EDN: https://elibrary.ru/SUVUSM
4. Gagarina, G. Yu., & Bolotov, R. O. (2022). Assessment of income differentiation among the population of the Russian Federation, taking into account the interre-

gional price level. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, *(3)*, 97–108. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-3-97-108. EDN: https://elibrary.ru/QWGNLD

5. Granberg, A. G. (2004). *Fundamentals of regional economics: A textbook for universities*. State University "Higher School of Economics".
6. Demidova, O. A. (2021). Convergence of Russian regions: Different patterns for poor, middle and rich. *Economy of Region*, *17*(4), 1151–1165. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-8. EDN: https://elibrary.ru/YWIHDC
7. Doroshenko, S. V., & Vasilieva, R. I. (2024). Spatial assessment of the heterogeneity of regional economic growth in 2014–2021. *Regionology*, *32*(3), 484–503. https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503. EDN: https://elibrary.ru/QXFUKO
8. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). (2026). *Official portal*. https://fedstat.ru (Accessed April 9, 2026)
9. Zemlyansky, D. Yu., & Medvednikova, D. M. (2025). Weighted and unweighted interregional inequality in Russia during the implementation of the foundations of the state policy of regional development for 2017–2024. *Regional Studies*, *(3)*, 4–22. https://research.smolgu.ru/index.php/RI/article/view/290. https://doi.org/10.5922/1994-5280-2025-3-1. EDN: https://elibrary.ru/NKTKOB
10. Kolomak, E. A. (2010). Interregional inequality in Russia: Economic and social aspects. *Spatial Economics*, *(1)*, 26–35. https://doi.org/10.14530/se.2010.1.026-035. EDN: https://elibrary.ru/MWOPJH
11. Kuznetsova, O. V. (2019). *Regional policy of Russia: Theory and practice*. LENAND.
12. Kuznetsova, O. V. (2024). Economic differentiation and the susceptibility of municipalities in the Russian Arctic to federal preferential regimes. *Economy of Region*, *20*(2), 462–476. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8. EDN: https://elibrary.ru/NDHCXU
13. Liu, Y., Zaretskaya, V. G., & Vertakova, Yu. V. (2023). Assessment of regional differentiation based on the dynamics of key economic indicators and the level of their convergence. *π-Economy*, *16*(4), 60–78. https://doi.org/10.18721/JE.16404. EDN: https://elibrary.ru/ZRPDCA
14. Merkulova, E. Yu. (2025). Differentiation of Russian regions: Economic contrasts and social differences. *Statistics and Economics*, *22*(3), 39–52. https://doi.org/10.21686/2500-3925-2025-3-39-52. EDN: https://elibrary.ru/GZFDKP
15. Nefedova, T. G., Treyvish, A. I., & Sheludkov, A. V. (2022). A multi-scale approach to identifying spatial inequality in Russia as both a stimulus and a brake on development. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, *86*(3), 289–309. https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1576. https://doi.org/10.31857/S2587556622030128. EDN: https://elibrary.ru/FCOHMS

16. Government of the Russian Federation. (2019). *On the management system for the implementation of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"* (No. 234 dated March 2, 2019) (as amended at the time of access). https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903070015 (Accessed April 9, 2026)
17. Pugachev, A. A., & Chistyakova, A. A. (2024). Differentiation of population well-being in Russian regions: The raw material factor and opportunities for tax regulation. *ECO*, *54*(6), 205–219. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-6-205-219. EDN: https://elibrary.ru/UWIXHI
18. Surinov, A. E., & Luppov, A. B. (2021). The impact of regional differences in the cost of living on national estimates of income inequality. *Economy of Region*, *17*(3), 814–827. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7. EDN: https://elibrary.ru/BIRNYO
19. Surinov, A. E., & Luppov, A. B. (2021). Inequality in Russia: Regions, cost of living and equivalent incomes. *Economic Policy*, *16*(3), 82–111. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-82-111. EDN: https://elibrary.ru/OEWTFV
20. Surinov, A. E., & Luppov, A. B. (2022). Income differentiation and the cost of living at the subregional level: Estimates for Russia. *HSE Economic Journal*, *26*(4), 552–578. https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578. EDN: https://elibrary.ru/ZCWPSJ
21. Federal State Statistics Service. (2024). *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2024: Statistical compendium*. Rosstat. https://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (Accessed April 9, 2026)
22. Shatalova, O. M., & Kasatkina, E. V. (2022). Socio-economic inequality of Russian regions: Measurement issues and long-term retrospective assessment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, *15*(4), 74–87. https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5. EDN: https://elibrary.ru/ZAEJDM
23. Dynnikova, O., Pestova, A., & Ugolkov, V. (2021). *Regional disparities and fiscal federalism in Russia* (IMF Working Paper No. WP/21/144). International Monetary Fund. https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/05/20/Regional-Disparities-and-Fiscal-Federalism-in-Russia-50238
24. Mikheeva, N. N., & Basareva, V. G. (2021). Regional specifics of poverty in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, *32*(5), 499–507. https://doi.org/10.1134/S1075700721050099. EDN: https://elibrary.ru/HRTJVR
25. OECD. (2023). *OECD Regional Outlook 2023: The longstanding geography of inequalities*. OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/92cd40a0-en
26. OECD. (2024). *OECD Regions and Cities at a Glance 2024*. OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/f42db3bf-en
27. Storper, M. (2018). Separate worlds? Explaining the current wave of regional economic polarization. *Journal of Economic Geography*, *18*(2), 247–270. https://doi.org/10.1093/jeg/lby011

28. United Nations. (2024). *United Nations E-Government Survey 2024*. United Nations Department of Economic and Social Affairs. https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Минин Владимир Михайлович, аспирант

Университет «Синергия»
ул. Мещанская, 9/14, стр. 1, г. Москва, 129090, Российская Федерация
horoshofg@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vladimir M. Minin, Postgraduate Student

Synergy University
9/14, bld. 1, Meshchanskaya Str., Moscow, 129090, Russian Federation
horoshofg@mail.ru

Поступила 10.04.2025
После рецензирования 17.05.2025
Принята 20.05.2025

Received 10.04.2025
Revised 17.05.2025
Accepted 20.05.2025